

От Хайдеггера к Платону

Интервью с Пиамой Павловной Гайденко,
доктором философских наук

Пиама Павловна, в своих работах Вы обосновываете, что истоки науки двойственны: с одной стороны — христианство, а с другой — оккультное влияние в эпоху Возрождения. Отсюда возникает вопрос: может ли христианин заниматься наукой?

В науке есть много таких вещей, которые воспитывают ум, которые направлены на постижение истины. Но в современной науке присутствует и другой мотив: овладеть природой, во что бы то ни стало поставить природу на службу человеку, переделать все, что существует, что создано Богом — и не только в физике, но уже и в генетике. Это острый вопрос: скоро нас начнут так переделывать, что неизвестно, какая будет природа у человека в будущем.

Оба мотива присутствуют в науке и в зависимости от личности ученого по-разному преломляются в его творчестве. В науке борются различные тенденции, она никогда не бывает единой. Поэтому очень важно, чтобы среди участников исследовательского процесса были и христиане.

Научное мировоззрение и христианство отнюдь не всегда уживались мирно. В советское время деятели науки — и верующие, и просто несогласные с официальной идеологией — подвергались гонениям. Насколько реальны и суровы были эти гонения?

Идеология вторгалась даже в естественные науки: «лысенковщина», запрещение кибернетики, а в гуманитарной сфере положение было еще хуже. Когда я училась на философском факультете (с 1952 по 1957 год), и даже спустя два года, когда после работы в Издательстве иностранной литературы я пришла в аспирантуру, идеологический гнет очень ощущался.

Сразу же с первого курса я стала заниматься историей философии, потому что в то время философия как позитивное исследование — это только диамат и истмат, а у меня очень давно, еще

в школьные годы возникло критическое отношение к таким идеологизированным направлениям. Впрочем, и в истории философии давление было очень сильным.

Расскажу такой случай. Когда я работала над диссертацией по Хайдеггеру, один из моих старших коллег как-то говорит мне: «Ну что Вы всё пишете „Хайдеггер говорит“, „Хайдеггер размышляет“? Хайдеггер разглагольствует, а не говорит, и не размышляет, а подтасовывает!» Даже язык требовали менять!

В таких условиях надо было вырабатывать особую энергию сопротивления, а это, кстати, человеку полезно. Сейчас нет никакого давления: говори что хочешь, чем оригинальней, тем лучше.

Однако были ученые, которые не шли на компромисс?

Безусловно. Самый любимый мой учитель, Валентин Фердинандович Асмус, преподавал историю философии и при этом старался быть абсолютно достоверным, никогда не следовал идеологическим «разработкам». Но как же его критиковали! Я до сих пор вспоминаю обсуждение его книги «Проблема интуиции в философии и математике». Интуитивизм тогда был гоним, потому что с точки зрения марксизма-ленинизма интуитивизм — это иррационализм. Книжка же была очень хорошая, он пытался в ней показать, в чем смысл интуитивизма, в чем его правда, в чем заслуга тех, кто ориентируется на интуицию. У нас на кафедре было обсуждение этой книги. И молодые преподаватели в течение трех часов читали мораль самому старшему нашему коллеге Валентину Фердинандовичу. Называли его и «ревизионистом», и «изменником Родины», чего только не говорили! А книжка была прекрасная.

На нашей кафедре было еще несколько человек, которые старались по возможности избегать всей этой идеологии, например, Василий Василиевич Соколов, Арсений Николаевич Чанышев. Незадолго

до моего ухода с кафедры там начал преподавать Геннадий Георгиевич Майоров, а затем появилось и много других молодых исследователей. Был еще Алексей Федорович Лосев, которого мы все очень любили; впрочем, он работал не в Университете. В последние годы он пытался объединить свои воззрения с марксизмом, но это уже в самый поздний период, очень долгое время он сопротивлялся давлению. Так что всегда в России оставались чистые и честные люди. И их сразу замечали, сразу к ним проникались доверием и любовью.

Очень много для нас значило, что мы воспитывались — и в школе, и дома — на русской литературе. А русская литература: Толстой, Лесков, Достоевский — давала прививку от марксистских догм, потому что она иначе ориентирована. Я глубоко убеждена, что наша русская литература проникнута духом Православия, и даже тогда, когда Толстой спорит с Церковью, вопрос о Боге глубоко волнует его.

Некоторые мои знакомые сейчас говорят: «Пиама, ты знаешь, идеологический прессинг сейчас наступает со стороны Православной Церкви, Православия». Но я такого прессинга вовсе не ощущаю. Иногда приходится слышать, будто бы эволюционистские теории противоречат Священному Писанию, но я думаю, что это очень упрощенный подход.

Многие положения святоотеческого богословия сформулированы на языке античной философии. Для древних святых Отцов это была современная философия. Не означает ли это, что сегодня богословие должно пользоваться языком современной

нам философии, учитывающим последующее развитие мысли?

Когда я начинала заниматься историей философии, я начинала с новой философии, моим учителем был Кант. И мне казалось, что в новой философии аккумулировано все, что было ценного в античности, и что поэтому античной философией и не стоит много заниматься. Но когда я стала заниматься античностью, уже в зрелом возрасте, после 35 лет, меня поразило, насколько античная философия недостаточно ассимилирована последующей мыслью, многое было недостаточно освоено, а многое просто совершенно превратно понято. Например, гегелевская трактовка античности во многом просто неадекватна. Поэтому я думаю, что изучение античной философии (и это уже после десяти лет занятий историей философии) дало мне больше, чем все, что я делала до этого времени. После этого я и Канта стала лучше понимать. Кант, кстати, очень почитал Платона.

Для формирования христианского богословия античная философия сыграла огромную роль. Например, классики ранней христианской философии Дионисий Ареопагит, блаженный Августин формировались как мыслители на основе платонической традиции. Блаженный Августин пишет об античных философах с большим уважением, считает их, в частности Плотина, предтечами христианства. Кроме того, на христианских богословов огромное влияние оказали и другие античные мыслители: стоики, неоплатоники и даже Аристотель. Так что без античной философии современный христианский богослов обойтись не может.

Беседовал Николай Солодов, 4 курс МДС

